

Замятин Евгений Иванович

[20.1 (1.2). 1884, г. Лебедянь Тамбовской губернии — 10.3.1937, Париж]
прозаик, драматург, эссеист, литературный критик.

Родился в семье священника. Гимназию окончил в Воронеже в 1902. Здесь проявилась склонность Замятина к литературе, однако он выбрал специальность инженера и поступил в Петербургский политехнический институт на кораблестроительный факультет. Студентом вступил в РСДРП, о чем впоследствии писал: «В те годы быть большевиком — значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком. Была осень 1905 г.» («Автобиография», 1929). За участие в студенческой революционной деятельности арестован и заключен в одиночную камеру в Петербурге на Шпалерной улице. После нескольких месяцев заключения его освободили и выслали в г. Лебедянь под надзор полиции. В августе 1906 надзор был снят, но ему запретили жить в Петербурге. Нелегально вернулся в столицу. В 1908 Замятин окончил институт, вышел из партии. Был оставлен при кафедре корабельной архитектуры, с 1911 начал преподавать, одновременно работал инженером. Публиковал статьи по специальности в петербургских научных журналах «Теплоход» и «Русское судоходство».

Свои первые литературные опыты — рассказы «Один» (Образование. 1908, № 11) и «Девушка» (Новый журнал для всех, 1910, № 25) оценивал критически и не включал их в позднейшие издания своих сочинений. В 1911 был выслан из Петербурга за нелегальное проживание в столице, поселился в Сестрорецке, а затем в Лахте, в 6 милях западнее Петербурга, на берегу Финского залива. По ироничному признанию Замятина, ссылки способствовали его развитию как писателя. В Лахте он написал повесть «Уездное» (журнал «Заветы», май 1913), которая была первым серьезным выступлением Замятина в литературе, вызвавшим много откликов в печати и высокую оценку М. Горького, А. Ремизова, Б. Пильняка, В. Шкловского. Повесть близка традициям Н. Гоголя и М. Салтыкова-Щедрина, однако в ней Замятин уже проявляет себя как самостоятельный мастер с собственным видением мира. После публикации «Уездного» началась длительная дружба писателя с группой авторов журналов «Заветы»: Ремизовым, М. Пришвиным, Р. Ивановым-Разумником.

В 1913 в связи с объявленной к 300-летию Дома Романовых амнистией Замятину разрешили жить в столице, но по совету врачей ему пришлось на время уехать на юг. В Николаеве, черноморском военном и торговом порту, он работал инженером и продолжал писать. Создал несколько рассказов и повесть «На куличках», в которой изобразил повседневную жизнь военного гарнизона в дальневосточной провинции. За публикацию этой повести Замятина обвинили в оскорблении русского офицерства, а номер журнала «Заветы», где она была напечатана (1914, № 3), конфисковала цензура. Впоследствии автор и редактор журнала привлекались к суду. Цензоры явно перестарались: хотя гротескно-сатирическое начало в повести ярко выражено, в ней прежде всего — психологическая драма в духе Ф. Достоевского.

В последующие годы Замятин продолжал писать различные по жанру и стилю рассказы из провинциальной жизни. Щедринская атмосфера характерна для рассказа «Старшина» (1915), герой которого, бестолковый Иван Тюрин, волей случая становится старостой и, уверившись в своем могуществе, начинает теснить мужиков нелепыми приказами. Близка к художественным установкам Ф. Сологуба повесть «Алтарь» (1915), в которой стихийные силы человеческой природы являются единственным движущим импульсом в безысходно однообразном существовании героев. Рассказ «Письменно» (1916) — психологическая зарисовка женского характера: героиня желает гибели своему

мужу-мучителю, но когда тот оказывается на каторге, испытывает к нему жалость и понимает, что не может его бросить. В ранних рассказах Замятина присутствует герой-мечтатель, человек не от мира сего, ему трудно ужиться с провинциальными обывателями, но и невозможно далеко уйти от них («Африка», 1916). В более поздней повести «Север» (1918–1919) повседневным заботам о хлебе насущном противопоставлены мечты героя о несбыточном, об искусственном солнце, которое рассеет полярную ночь.

Сатирический тон произведений Замятина парадоксально сочетается с лиризмом и романтической иронией, а его бытописание — с поэзией. Автор органично сплавляет традиции и приемы разных по мироощущению писателей, как классиков, так и современников: гротеск Гоголя, фарсовость Салтыкова-Щедрина, психологизм Достоевского, орнаментализм и сказочность Ремизова, символизм Сологуба, «поток сознания» А. Белого. При всей восприимчивости к влияниям Замятина с первых произведений отличает оригинальный и узнаваемый почерк. Как отметил Ремизов, он одним из первых в предвоенной литературе обратился к народным истокам языка, работал с «сырым материалом» русского слова, «стихия его слов отборно русская» (Ремизов А.М. Стоять — негасимую свечу: Памяти Евгения Ивановича Замятина // Ремизов А.М. Огонь вещей. М., 1989. С. 468).

Во время Первой мировой войны в марте 1916 Замятина командировали в Великобританию наблюдать за строительством ледоколов для российского флота. При его участии построены «Святой Александр Невский» (после революции — «Ленин»), «Святогор» (после революции — «Красин»), «Минин», «Пожарский», «Илья Муромец» и другие суда. За границей была написана повесть «Островитяне» (1917), где Замятин со свойственной ему отстраненной иронией изобразил английское «уездное», увиденное им во время работы в портовых городах Англии (Ньюкасл-он-Тайн, Саусшилдс, Сандерленд). Повесть продолжает ряд произведений писателя, главная тема которых — подчинение личности установленным формам жизни. Англия, как и Россия, дала писателю богатый материал для разработки этой темы, не знающей национальных границ.

В сентябре 1917 Замятин возвратился в Петроград. В России его ждала «веселая, жуткая зима 1917–1918, когда все сдвинулось, поплыло куда-то в неизвестность» («Автобиография»). Некоторое время писатель продолжал жить английскими впечатлениями; рассказ «Ловец человеков» (1917–1918) продолжает тему повести «Островитяне»: организованное словно по расписанию течение жизни его героев едва не нарушается, когда во время бомбежки Лондона жена ханжески добропорядочного пастора на какое-то мгновение осознает ценность своей незаконной любви.

Английские впечатления во многом определяют и замысел самого крупного и сложного произведения Замятина — романа «Мы», задуманного в 1917–1918, а законченного не позднее середины 1921. Здесь дана сатирическая картина тоталитарного общества будущего, в котором жесткий контроль коллектива над личностью привел к полному господству «мы» над «я». Для достижения безраздельной власти государства над людьми используется технический прогресс, превращающий человека в безликую часть государственной машины. Тенденции к подобному развитию Замятин увидел и в жестко регламентированном порядке жизни технически высокоразвитой Англии, и в первых декретах советской власти в России. Сущность правления в разных странах проявлялась для Замятина в отношении власти к мыслителям и поэтам. По природе «еретик» и нонконформист, Замятин выступил в романе против утверждения коммунизма в качестве единственной истины и против канонизации большевистской революции как последней в истории. По цензурным соображениям роман не был опубликован в России, несмотря на все усилия Замятина, однако состоялась «устная публикация» произведения. Зимой 1921–1922 в течение двух вечеров автор прочел свой роман при полном зале в Петербургском институте истории искусств. В 1923 роман читался на литературных вечерах в московском и петроградском отделениях Всероссийского

Союза писателей. В печати появились отзывы на неопубликованное произведение (Ю. Тынянов, В. Шкловский).

Бывший большевик, приветствовавший и Февральскую и Октябрьскую революции, Замятин в своих сатирических зарисовках голодного советского быта, в сказках и полемических статьях высмеивал претенциозность и беспомощность попыток новой власти построить новый мир. Под псевдонимом М. Платонов писатель публикует статьи и сказки в газетах социал-демократического и лево-эсеровского направления — таких, как «Новая жизнь» М. Горького и «Дело народа» В. Чернова. Под видом «сказки» Замятин разрабатывал жанр иносказательной притчи на злободневные темы. Герой цикла сказок про Фиту (1917), опубликованного в эсеровской газете «Дело народа», — едкий шарж на лидера большевиков. Эссеистические, литературно-критические и публицистические произведения Замятина, убедительно аргументированные, отличающиеся хорошим стилем, занимают в русской литературе не менее значительное место, чем его художественная проза. В статье «Скифы ли?» (1918) он полемизирует с идеями Иванова-Разумника и группы «Скифы», взгляды которой он во многом разделял, рассматривая «скифство» как символ вечного движения и поиска, творческой свободы, одиночества и независимости, разрыва с настоящим ради будущего. В статье «Завтра» (1919) Замятин развивает теорию бесконечной революции и приходит к заключению, что «к счастью, все истины — ошибочны: диалектический процесс именно в том, что сегодняшние истины — завтра становятся ошибками: последнего числа — нет».

Как в художественной прозе, так и в эссеистике Замятин разрабатывает собственную философию жизни. Главное место в ней занимает проблема человеческой свободы, которую Замятин исследует в традициях русской религиозно-философской мысли и в самой значительной степени под влиянием «Легенды о Великом Инквизиторе» Достоевского. Некоторые его своеобразные идеи сформировались в процессе работы над книгой «Роберт Майер» (1922). Автора привлекало то, как Майер, немецкий врач, физик, основатель термодинамики, прилагал научные открытия к социальным и этическим представлениям. Вслед за ним Замятин рассматривает социальные, психологические и филологические вопросы под углом зрения последних открытий науки: теории относительности, законов термодинамики, в частности, теории энтропии.

Отношения писателя с большевистским правительством складывались сложно. В феврале 1919 он был арестован по делу «левых эсеров» вместе с Блоком, Ремизовым и Ивановым-Разумником, а в сентябре 1922 снова подвергся аресту, оказавшись на этот раз в составе группы известных философов и литераторов, которых правительство решило выслать из России. Друзья стали хлопотать перед властями и добились отмены приговора. Есть свидетельства, что в 1923 Замятин получил разрешение на выезд за границу, но не воспользовался им.

Несмотря на откровенно критическое отношение к власти, Замятин занимал видное положение в литературной жизни в пореволюционные годы и в период НЭПа: вокруг него образовалась литературная школа, значительно повлиявшая на формирование молодых писателей. Члены группы «Серапионовы братья», слушавшие читаемый им курс техники художественной прозы в студии Дома искусств, считали его своим учителем. Замятин был талантливым редактором ярких литературных журналов: «Дом искусств», «Современный запад», «Русский современник», участвовал в работе нескольких издательств: «Алконост», «Петрополис», «Мысль», возглавлял ленинградское отделение Всероссийского Союза писателей. М. Горький (с ним Замятин познакомился по возвращении из Англии осенью 1917) привлек его к работе в издательстве «Всемирная литература», которое планировало выпуск серий произведений классиков всех времен и народов.

В начале 1920-х Замятин выступил со статьями, в которых в отточенной публицистической форме высказался об утверждавшей свои права официальной советской литературе. В статье «Я боюсь» (1921) он напоминает о том, что «настоящая

литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики», и высказывает опасение, что «у русской литературы одно только будущее — ее прошлое». Статья «**Рай**» (1921) построена на параллели между поэзией, единый хор которой поет гимн советской власти, и церковной службой: «голоса — только ангельские, и ликуют литавры, колокола, слава, осанна». Советскую прозу он сравнивает с церковным душеполезным чтением. Выражением творческого кредо Замятина явилась статья «**О синтетизме**» (1922), где он определил сущность нового реализма в русской литературе как синтез реализма XIX в. (тезис) и символизма XX в. (антитезис), как синтез фантастики с бытом, влюбленности в жизнь с разрушающей ее иронией. Свои мысли о свободе творчества, о соотношении социального и индивидуального Замятин развил в статье «**О сегодняшнем и современном**» (1924). Пожалуй, главный творческий манифест Замятина — его статья «**О литературе, революции, энтропии и прочем**» (1924): в ней он предостерегает пролетарских поэтов от стремления к «величественному, монументальному, всепоглощающему единомыслию», которое может породить только «серую однозвучную банальность».

В рассказах «**Мамай**» (1921) и «**Пещера**» (1922) писатель с саркастической усмешкой и в то же время со скрытой жалостью к человеку показывает, как в условиях голодного и холодного советского быта на смену цивилизации приходит пещерный каменный век. Свои идеи и понимание происходящего Замятин воплощал и в драматургии: в пьесе «**Огни Святого Доминика**» (1923) проводится параллель между испанской инквизицией и Чека. В пьесе «**Блоха**» (1924), по сюжету народного сказа о туляках и блохе и по мотивам повести Н. Лескова «Левша», высказаны мысли писателя о русском национальном характере, о трудности взаимопонимания между глубинной народной Россией и Западом.

В развитии своего художественного метода Замятин искал разные пути, пробовал разные палитры. В «**Рассказе о самом главном**» (1924) вечные вопросы любви и смерти решаются в новом ракурсе, заданном эпохой революции. Последняя оправдывается как принцип развития общества, однако писатель не признает права победителей распоряжаться судьбами людей. Новые художественные средства, применяемые в этом рассказе, — повествование в разных планах, одновременное развитие нескольких сюжетных линий, символизм и аллегоричность, эллиптический стиль, неровный ритм изложения — сближают Замятина с западными модернистами. В повести «**Икс**» (1926) писатель в сатирическом образе дьякона Индикоплева, порвавшего с церковью, чтобы угодить новой власти, показывает, насколько устойчива и неизменна природа человека, как мало могут изменить ее декреты. Рассказ «**Слово предоставляется товарищу Чурыгину**» (1927) написан от лица героя, деревенского мужика: язык «осовеченной деревни» создает в повести комический эффект. В другой тональности создана повесть «**Ела**» (1928) — напряженный рассказ о жертвах рыбака ради того, чтобы купить лодку, которую в тот же день он теряет во время шторма.

В 1929 в советских писательских кругах разразился скандал в связи с публикацией ром. «**Мы**» в эсеровском журнале «Воля России» в Праге. В конце 1920-х стало ясно, насколько верными оказались пророчества Замятина в романе: в нем предсказаны тотальная коллективизация, террор, культ личности, методы психической обработки людей и их превращения в послушную массу. Этапным в распространении влияния романа на европейскую, в частности английскую литературу, стали его переводы на английский (1924) и французский (1929) языки. Готовя предисловие к французскому переводу, Замятин сформулировал идею романа «**Мы**» и охарактеризовал его жанровые особенности: «Одна из тем, пока еще очень робко затрагиваемых в советской литературе, это вопрос об отношении личности и коллектива, личности и государства. На практике этот вопрос разрешен в пользу государства, но это решение не может быть только временным... Именно эта проблема, правда, в очень утопической, пародийной форме,

в виде *reductio ad absurdum* одного из возможных решений, является основой всего моего романа “*Nous autres*”). О замысле и цели создания «Мы» автор говорил также в интервью Ф. Лефевру для французской газеты «*Le nувель литтерер*» в 1932: «Этот роман — сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства — все равно какого».

Будущее в романе «Мы», пользуясь словами Замятина, представлено «со знаком минус», чем вызвано определение этого жанра как «антиутопия». В то же время произведение является социальной сатирой на современность с характерной для этого жанра памфлетностью. Социально-философская проблематика романа придает ему жанровые черты философской притчи, пророческого мифа XX в. В основе романа — философско-теологическая проблема свободы человека. Государство будущего представлено как «организованный рай», в котором сытость и покой предлагаются в обмен на свободу. В разработке проблематики произв. Замятин выступает как носитель традиций русской социально-философской мысли: в романе получили развитие идеи «Легенды о Великом Инквизиторе» («Братья Карамазовы»), «Записок из подполья» и «Бесов» Достоевского. В то же время в нем явственно звучат мотивы фантастических романов Г. Уэллса и А. Франса. Роман «Мы» оказал влияние на создание самых значительных социальных антиутопий XX в.: романов О. Хаксли «*O, дивный новый мир*» (1932) и Дж. Оруэлла «1984» (1949).

История издания романа «Мы» и его восприятия советской критикой отразила духовную атмосферу конца 1920-х. Критики «Литературной газеты» и «Комсомольской правды» в конце августа 1929 выступили с обвинениями писателя в сотрудничестве с белоэмигрантской прессой и в том, что своим романом он очернил советский строй. От писателя требовали публичного признания своих ошибок и отказа от своего произведения. Отвечая на обвинения в письме редакции «Литературной газеты», Замятин подчеркивал, что подобного требования к писателю не предъявляла даже царская цензура. Объективные доводы автора в свою защиту не были приняты во внимание. В ответ на развернувшуюся против него кампанию Замятин вышел из СП и написал заявление с просьбой разрешить ему уехать за границу. В просьбе ему было отказано. Положение Замятина предельно осложнилось: в театрах запрещались постановки его пьес, написанные им книги изымались из библиотек, в издательствах приостанавливался выпуск его произведений. Замятин, однако, продолжал работать: в эти годы написаны «советский фарс» «**Африканский гость**» (1930-1931), автобиографическая пьеса «**Рождение Ивана**» (1931), рассказ «**Мученики науки**» (1931); писатель дорабатывал исторический роман об Аттиле «**Бич Божий**», начатый в 1924, и приступил к роману из современной истории: о мировой войне, революции и Гражданской войне. В 1929 издательство «Федерация» выпустило его «**Собрание сочинений: В 4 т.**», были опубликованы повести «**Наводнение**» и «**Житие блохи**», в которой в пародийной форме давалась история постановки пьесы «Блоха» в Москве и Ленинграде. После 1929 советские издательства и журналы были для Замятина закрыты. Не видя выхода из создавшегося положения, он написал отчаянно смелое письмо И. Сталину, в котором потребовал, чтобы ему дали возможность печатать свои произведения на родине или разрешили уехать за границу. По редкому стечению обстоятельств Замятину удалось получить для себя и жены право на легальный выезд в Европу с советскими паспортами.

В ноябре 1931 Замятин уехал из России. Первой остановкой была Рига, затем Берлин, откуда Замятины в 1932 переехали в Париж. В своих интервью зарубежной прессе Замятин подчеркивал, что он гражданин России и находится в Европе в годичном отпуске, после которого собирается вернуться к преподаванию в Кораблестроительном институте в Ленинграде. Хотя у Замятина и были близкие друзья среди эмигрантов — Ремизов, Ю. Анненков, художник Б. Григорьев,— в эмигрантских кругах он не был принят. Находясь за пределами России, Замятин не выступал с критикой советского режима и лишь в одном из интервью отрицательно оценил деятельность РАППа.

В июне 1934 Замятина приняли в СП СССР, а через год он участвовал в международном Конгрессе писателей в защиту культуры в Париже как представитель Советской России. Тем не менее для него было очевидно, что возвращение в Россию не принесет перемен к лучшему. Его архивы свидетельствуют о планах и замыслах, которые писатель собирался воплотить в западных театре и кино. Они содержат киносценарии на русском, английском и французском языках. Для экранизаций голливудским режиссером Сесилем Де Миллем Замятин перерабатывал произведения русской классики: «Войну и мир» Л. Толстого, «Пиковую даму» А. Пушкина, а также собственные произведения («Бич Божий», «Атила», «Мы»). По его сценарию во Франции был поставлен фильм «На дне» по пьесе М. Горького с Жаном Габеном в главной роли, признанный лучшим фильмом 1936. В эмиграции Замятин написал рассказы «**Часы**», «**Встреча**», «**Лев**», «**Видение**» и продолжал работать над романом «Бич Божий», в котором воплощены размышления писателя на шпенглеровскую тему о смене цивилизаций: «Запад — и Восток. Западная культура, поднявшаяся до таких вершин, где она уже попадает в безвоздушное пространство цивилизации, — и новая, буйная, дикая сила, идущая с Востока, через наши, скифские степи». Работа была закончена лишь наполовину, 1-я часть романа опубликована посмертно в Париже в 1938.

В Издательстве им. А.П. Чехова в Нью-Йорке в 1952 опубликован сборник «**Лица**», включивший статьи Замятина о Л. Андрееве (1922), А. Блоке (1924), Ф. Сологубе (1925), А. Чехове (1925), Г. Уэллсе (1922), А. Франсе (1924), Р. Шеридане (1931), А. Белом (1934), М. Горьком (1936).